Евгений СУХОВ

ВАЛЮТНАЯ МОГИЛА

ЭКСМО

Евгений Евгеньевич Сухов

Валютная могила

Серия «Расследования криминального репортера», книга 5

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8177177
Евгений Сухов. Валютная могила: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-73676-8

Аннотация

В Москве, в районе Белорусского вокзала, стало происходить нечто странное: в ресторанах, дорогих бутиках и около обменных пунктов появились люди с ярко выраженной маргинальной внешностью, которые буквально сорили деньгами. Этот «феномен» привлек внимание столичного криминального репортера Аристарха Русакова. Он сумел втереться в доверие к коренным обитателям вокзала – бомжам – и вскоре получил от них весьма интересную информацию. Оказывается, в Москве есть таинственный объект, благодаря которому любой желающий мог стать баснословно богатым…

Содержание

Глава 1. Всякий поступок имеет продолжение в грядущем, или Откуда евро, господа? 4
Глава 2. Легенда о том, как я стал бомжом, или Почему сорвалась операция «Сбербанк» 35
Глава 3. Клим и его команда, или Похороны Космоса 46
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Евгений Сухов
Валютная могила

Глава 1. Всякий поступок имеет продолжение в грядущем, или Откуда евро, господа?

Весной всегда трудно настроиться на работу, а майские праздники и вовсе сбивают на лирическую волну. В мае работа начинается после первой декады месяца, и то – ни шатко, ни валко. Вот ведь какова человеческая натура: чем больше ей предоставляется отдыха, тем больше этого отдыха она жаждет. А серотонины, «гормоны счастья», просто переполняют душу, израненную зимней стужей…

В комнате для корреспондентов у меня имелся свой стол со стареньким компьютером, за которым я обычно сиживал редко. Но после завершения программы «Можно ли победить зло?», вызвавшей в городе не меньший резонанс, нежели моя звездная программа «Кто убил Санина?», сделавшая меня героем, наступило затишье. А поскольку на работу все же нужно было выходить, то большую часть времени я проводил за компьютером, вычитывая новости и по возможности следя за происходящим в мире. Быть в курсе всего то-

го, что происходит под боком, и того, что далече, – еще одно кредо репортера. Разумеется, кроме стремления быть еще телезвездой и героем…

Зачем это нужно?

Чтобы иметь возможность сопоставить происходящее в Торжке с происходящим в Москве, а происходящее в Москве – с происходящим в Лондоне или Вашингтоне. Иногда это приносит интереснейшие выводы и умозаключения, на первый взгляд невидимые и никак между собой не связанные. Но я уже давно уяснил, что в мире случайного ничего нет и каждый чих есть одновременно и причина и следствие. Все, буквально все взаимосвязано! Например, простой простудный чих личного водителя (имя его неизвестно) Алексиса Эйдриана, владельца нескольких отелей и ресторанов в канадском городе Трентон восточной провинции Онтарио, привел к убийству Яркая Сармандейкина из чувашского городка Ядрина, грузчика завода «Ядринмолоко». Наверное, вы слышали эту историю, ну а кто не слышал – слушайте…

Как это произошло? А вот как. Чихнув в присутствии Алексиса Эйдриана, его водитель заразил своего хозяина простудным вирусом. Алексис же был тайным гомосексуалистом и болел СПИДом, о чем и не подозревал. Таким больным опасно простужаться, ведь любая простуда может вырасти в смертельную болезнь из-за нарушенного у больного СПИДом иммунитета. В нашем случае так и случилось: простуда развилась у Эйдриана до двухстороннего воспале-

ния легких и их отека, а закончилось все это смертельным исходом. Родственников у Алексиса не имелось, но было известно, что его родовые корни находятся в России. Семейный юрист Эйдриана, которому нужно было как-то распорядиться наследством своего клиента, нашел документы, по которым выходило, что основателем рода Алексиса является русский крестьянин Андрей Андреев из Ядрина. Этот Андреев имел сына Ивана Андреева, а Иван Андреев – внучку, Анастасию Андрееву, которая в конце семидесятых годов двадцатого века вышла замуж за чуваша Марсалая Сармандейкина. У них был единственный сын – Яркай, работавший на заводе «Ядринмолоко» грузчиком. Мать его, Анастасия Сармандейкина, в девичестве Андреева, год уже, как отдала богу душу, а отец пропал еще в лихие девяностые. Словом, прямее наследника Алексиса Эйдриана в природе не существовало.

А наследство, следует заметить, у этого Эйдриана немалое: недвижимость (рестораны и отели) на восемнадцать миллионов американских долларов и счет в Bank of Canada еще на четыре миллиона.

Юрист послал письмо Яркаю по электронной почте, на которое тот не ответил. Тогда юрист самолично приехал в Ядрин, нашел этого Яркая и через переводчика объяснил ему суть проблемы. Однако Яркай Сармандейкин «на развод» (хотя кому это надобно, разводить грузчика и тащиться в городишко Ядрин), как он думал, не повелся и не пред-

принял никаких шагов по получению наследства. Зато кипучую деятельность по данному вопросу развернул некто Зигмунд Шпейер, являющийся или выдающий себя за правнука Ивана Андреева и имеющий подтверждающие родство бумаги. А потом Яркай Сармандейкин скоропостижно скончался. Его, по официальной версии, задавило коробками с пакетами молока, обрушившимися прямо ему на голову на складе готовой продукции «Ядринмолоко» и сломавшими шейный позвонок. В результате наследство тайного канадского гомосексуалиста и миллионера Алексиса Эйдриана получил этот самый Зигмунд Шпейер, который, скорее всего, и подстроил столь своевременную и весьма желанную для него гибель неверующего Фомы – Яркая Сармандейкина…

Так что все, буквально все: любое мало-мальское событие, некоторое действие, незначительный поступок и даже второпях сказанное слово – имеет продолжение во времени и определенные последствия. А они, в свою очередь, являются причинами дальнейших событий. И конца этой цепочке не бывать…

Скажем, вы совершили некий поступок. Например, пнули в живот пса, облаявшего вас по дороге в магазин. Так вот, этот ваш поступок обязательно будет иметь последствия в грядущем.

Какие, спросите? А вот сейчас растолкую…

К примеру, травма, нанесенная злосчастному псу, может вызывать сильные боли. Пес начнет жутко выть ночами и жа-

лобно скулить, не давая спать жителям целого дома, а может, и жителям целого квартала. А в одном из них будет проживать очень мнительный гражданин, который сочтет, что вой пса не что иное, как скорбь по будущему покойнику. Ведь есть такая примета, что собаки воют по скорому покойнику? Есть. Ну так вот. Мнительный гражданин начнет думать, что пес воет не по кому-либо, а по его погубленной душе и что в скором времени ему грозит смерть. Расстроится мнительный гражданин, впадет в невероятную скорбь и неуемную панику и… помрет прежде отмеченного срока. Оправдав тем самым примету про зловещий псиный вой.

Или ополчится пес, которого вы пнули, на весь род человеческий и начнет кусать всех, кого ни попадя, пока не приедет служба отлова собак и не стрельнет в него из специального карабина. А покусанные псом люди будут ходить в поликлинику на уколы против бешенства, причем у мальчика Мити Клепикова рана загноится, потом запылает в ней антонов огонь, и два покусанных пальца придется у него (не дай бог, конечно!) ампутировать. Конечно, с годами он свыкнется со своей трехпалостью, но вот его возлюбленная Катя Ермолаенко свыкнуться с этим не сумеет, из-за чего и расстроится их наметившаяся свадьба. Митя после этого запьет немилосердно горькую, его уволят за прогулы с работы, и он покатится по наклонной, пока не помрет от цирроза печени в городской клинической больнице за номером двадцать девять, носящей гордое имя революционера Николая Баумана,

убитого обрезком трубы в октябре девятьсот пятого года его тезкой, крестьянином Николаем Михальчуком.

А с чего все началось? Со злосчастного пинка по приставучей собаке…

Не только действия и поступки, но и слова могут иметь непредсказуемые последствия в грядущем. Например, вам нахамила Клара Садыкова, продавщица колбасного отдела магазина «Фиалка», что в Одинцове. Вы пришли домой в скверном расположении духа и в сердцах ударили по щеке непослушную дочь, опять выкрасившую волосы в розовый цвет. Дочь, страшно обидевшись на вас, собрала рюкзак и ушла жить к своему другу Геше Коростылеву, который не раз уже склонял ее к сожительству, со всеми вытекающими из этого последствиями. Когда пришел с работы муж, вы ему все рассказали, и он отправился бить лицо этому Геше и вызволять дочь из сексуального рабства. Но до Геши он не дошел, поскольку был избит хулиганами и попал в городскую клиническую больницу за номером двадцать девять, где в соседней палате умирал от цирроза печени трехпалый Митя Клепиков.

А вот если бы Клара Садыкова не нахамила вам, а, напротив, улыбнулась, отвешивая колбаску, вы пришли бы домой в добром расположении духа и не стали бы лупить сгоряча дочь по щеке. Дочь не обиделась бы на вас и не ушла бы сожительствовать к Геше. И ваш муж не был бы избит уличными хулиганами и не попал бы в клиническую больницу,

носящую имя знаменитого революционера…

Вот примерно такие мысли копошились в моей голове, когда я отсматривал и вычитывал разные материалы в Интернете, способные (а зачастую неспособные) пригодиться мне в репортерской работе…

«Вчера сотрудниками Главного управления уголовного розыска МВД России при поддержке бойцов спецподразделения «Рысь» МВД России пресечена деятельность организованной группы, участники которой подозреваются в совершении разбойных нападений и вымогательств. Группа состояла из уроженцев Чеченской республики и действовала на территории московского региона.

В сентябре прошлого года участники группы совершили разбойное нападение на двух московских предпринимателей. Им удалось завладеть автомобилем, учредительными документами одной из московских фирм, наручными часами и 150 тысячами рублей. ГСУ ГУ МВД России по г. Москве было возбуждено уголовное дело по факту разбоя. В ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий на территории Москвы и Каширского района Московской области участники группы были задержаны. Один из задержанных ранее уже был судим за разбой. При обысках по местам проживания подозреваемых обнаружены и изъяты: незарегистрированный травматический пистолет, 8 патронов к нему, нож кустарного производства, телескопические дубинки, похищенные учредительные документы фирмы и на-

ручные часы. В отношении задержанных избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Проводятся мероприятия, направленные на установление причастности задержанных к другим преступлениям».

Пожалуй, это может пригодиться…

«В течение первой декады мая число вакансий, размещенных столичными работодателями, не изменилось. Повышенным спросом по сравнению с апрелем пользуются специалисты по страхованию (+39,4 % вакансий), работники строительной сферы (+10,4 % вакансий), банковские сотрудники (+8,2 %). В результате того, что некоторые соискатели на майских праздниках решили сделать перерыв в поиске работы, количество резюме снизилось во всех исследуемых сегментах в целом на 9,5 %.

В первую декаду мая на столичном рынке труда (как и на общероссийском) снизились конкуренция и напряженность. Общий конкурс по Москве составил 3,4 резюме на вакансию. Наиболее высока конкуренция среди претендентов на должности топ-менеджеров (порядка 18 резюме на вакансию). Низкий конкурс, на грани дефицита, наблюдался на вакансии рабочих, специалистов сферы страхования (по 1,2 резюме на вакансию), в сфере продаж (1,3) и медицине (1,5). Снизилась доля вакансий от кадровых агентств (до 12 % от всех вакансий), что, вероятно, связано со снижением объема заказов в этот период. Возросла доля вакансий от крупных компаний-работодателей с численностью штата от 1000

до 5000 сотрудников (+1,7 п. п.; 22 % от всех вакансий прямых работодателей).

В течение первой декады мая зарплатные предложения работодателей продолжили рост. Максимальный темп прироста зарплат за месяц показала сфера управления персоналом (+1,5 % в среднем). Например, для менеджеров по персоналу среднее зарплатное предложение в столице выросло на 7 %, для специалистов по льготам и компенсациям – на 3,3 %. Самые высокие темпы роста зарплат в годовой ретроспективе – в сфере ИТ (+12 %)».

Эта информация пригодится, если меня вдруг попрут с телевидения, тогда я могу (хотя бы теоретически) претендовать на должность топ-менеджера… Но в реальности на что я могу рассчитывать, так это на должность чернорабочего в какой-нибудь нелегальной строительной фирме.

«Уже полтора года в лондонском аэропорту Хитроу стоит грузовой «Boeing 747—8 Freighter», под завязку наполненный паллетами с евро. 140 тонн денег! Предполагается, что купюры, обернутые толстой водонепроницаемой пленкой, имеют достоинство в 100 и 500 евро. По самым скромным подсчетам, в «Боинге» находится не менее 20 млрд. евро. Самолет прилетел из Франкфурта в Лондон в декабре 2011 года и с тех пор находится на стоянке грузовых самолетов, поскольку истинный хозяин денег так и не объявился, хотя услуга за стоянку самолета и хранение «европаллет» своевременно оплачивается, причем самыми раз-

ными лицами.

Открытым остается вопрос: «Чьи это деньги?»

Имеются лишь только предположения.

По одной из версий, это деньги покойного ныне Саддама Хусейна, за которыми давно охотится американская разведка. И теперешний хозяин этих денег переправил их в Лондон, чтобы они не достались американцам.

По другой версии, эти миллиарды принадлежали также ныне покойному «Братскому вождю», баснословно богатому лидеру Ливии Муаммару Каддафи. За ними тоже охотилась американская разведка.

По третьей версии, это наличные деньги Ирана, который, как известно, предпочитает совершать сделки, расплачиваясь и получая наличные деньги. Для чего они предназначались, что на них собирался покупать Иран – остается только догадываться.

По мнению нашего источника, вполне заслуживающего доверия, Лондон не слишком обеспокоен отсутствием хозяина этих денег. Очевидно, это объясняется тем, что по прошествии еще полутора лет деньги эти, если получатель столь огромной суммы так и не объявится, отойдут в пользу Великобритании, ведь, по международному закону, груз, у которого не обнаружился хозяин, переходит через три года в госказну той страны, на чьей территории был обнаружен».

Ну, это вряд ли мне пригодится, к этим деньгам я не имею

никакого отношения, но весьма интересно…

«Командир сирийских боевиков съел внутренности поверженного противника. Как позже пояснил каннибал, это было местью «собакам», защищающим правительство, за надругательства над женщинами и убийства детей…»

Крутой мужик!

«Свидетели Иеговы планируют провести свои ежегодные конгрессы и организовать кампанию по приглашению всех желающих. В этом году тема конгресса – «Божье слово – истина!» Конгрессы начинаются в Соединенных Штатах в мае и будут проходить по всему миру до конца декабря».

Это мне и вовсе ни к чему…

«Сегодня ночью при попытке вербовки двойного агента среди работников одной из российских спецслужб сотрудником ФСБ был задержан агент ЦРУ, работавший под прикрытием в посольстве США в Москве. Во время обыска у американца были обнаружены технические спецсредства, инструкция для вербуемого россиянина и крупная сумма наличных денег в евро».

Интересно живут люди!

– Старый, тебя шеф зовет…

Я оторвался от Интернета, пока не понимая, чего от меня хотят:

– Чего?

– Шеф тебя к себе призывает, – повторила Верунчик, шустрая корреспонденточка из отдела новостей.

– Спасибо, – сказал я и вырубил компьютер. Наш шеф не любит долго ждать, от этого у него портится настроение. И опять здесь может прослеживаться некоторая связь причины и следствия – он меня просто пошлет ко всем чертям! То есть уволит с работы… А я, со своей стороны, могу очень сильно расстроиться и, как следствие, напиться. А там подерусь с кем-нибудь и попаду в ментовку. А уже из ментовки… Уф, куда Старого занесло! Надо поторапливаться!

Когда я постучал в дверь кабинета шефа и, услышав «войдите», вошел, то увидел шефа, сидящего за журнальным столиком и распивающего коньяк с неким представительным господином в костюме от Бриони. Похоже, они только что хохотали, поскольку с их раскрасневшихся лиц улыбки еще не сошли. А может, это просто действовал дорогой коньяк…

– Выпьешь? – по-простому спросил меня шеф.

– С такими господами, – покосился я на костюмчик гостя шефа, – и не выпить… Наливайте! – и отчаянно махнул рукой.

– Сам нальешь, не барин, – отреагировал шеф в своей обычной манере, едко хмыкнув.

– Премного благодарны, – ответил я и мстительно налил себе почти полный фужер. Затем взял из конфетной коробки самую большую конфету, выдохнул и влил в себя весь фужер коньяку. Засунув в рот конфетку, сделал блаженный вид и откинулся на спинку кресла, заломив за затылок руки.

– Так коньяк не пьют, – сухо заметил мне шеф, погляды-

вая на заметно опустевшую бутылку.

– Знаю, шеф, но я решил воспользоваться случаем. Нечасто ведь вы предлагаете отведать настоящего французского коньяку. На моей памяти это всего второй раз… Я потом долго вспоминать буду.

– Ладно. – Шеф хотел усмехнуться, но не позволил себе этого сделать. – Знакомьтесь… Это, – указал он на меня, поглядев на своего гостя, – наш ведущий тележурналист Аристарх Русаков. Его отчества я тебе называть не буду, поскольку ты сначала станешь переспрашивать, а потом хохотать. А это, – указал на гостя шеф, посмотрев при этом на меня, – мой старинный друг и однокашник Герман Возницын. Отчество у него вполне благозвучное – Юрьевич.

– Очень приятно, – произнес я, приподнявшись с кресла и пожимая холеную пухлую руку Германа Юрьевича. – Простите, вы не родственник думного дьяка Прокофия Богдановича Возницына, выдающегося русского дипломата времен молодого Петра Первого, отстоявшего Украину и заключившего выгодный мир с турками?

– Чего? – удивленно сморгнул Возницын.

– А может, вы потомок отставного капитан-лейтенанта флота Александра Артемьевича Возницына, отрекшегося от православия и принявшего иудаизм во времена императрицы Анны Иоанновны, за что он был заживо сожжен на Адмиралтейском острове в Санкт-Петербурге? Да-с, скверная вышла история, – добродушно смотрел я на Германа Юрье-

вича. – Даже если это и так, вам нечего стесняться, ведь это было довольно давно и к вам не имеет никакого отношения. К тому же, как однажды сказал один выдающийся деятель российского государства на совещании передовых комбайнеров, «сын за отца не отвечает».

– Ха-ха! – неожиданно добродушно рассмеялся Герман Юрьевич. – Понимаю. Это шутка такая! Вы большой оригинал!

– Еще какой! – охотно подтвердил мой шеф и почему-то строго посмотрел на меня. – Герман Юрьевич – владелец двух десятков бутиков одежды «Азимут» и «Стиль». Не обращай внимания, Герман, – обратился он к другу. – История – его конек… Особенно силен в царствовании Петра Алексеевича. Он тебе такое может рассказать о Всешутейном и Всепьянящем Соборе, что хоть святых из избы выноси!

– История – мой конек, – охотно подтвердил я и тотчас спросил: – А вы, господа, будете допивать коньяк?

– Будем, – быстро ответил шеф и разлил остатки по двум бокалам: себе и гостю. Мне он не налил ни капли… Я сделал вид, что не обиделся, и, дождавшись, когда они выпили, ехидно спросил:

– Ну, как коньячок? Славный? Каково послевкусие? Правда, очень насыщенное? Имеются нотки коры дуба, и ванили, и запах фиалок? А вы чувствуете это благородное тепло, которое разливается у вас внутри? А легкая эйфория? Ощущение, что жизнь налаживается и вообще удалась? А как вами

был воспринят сам факт, что вы вот так запросто и ничуть не задумываясь над тем…

– Может, помолчишь немного? – перебил меня шеф. – Герман Юрьевич ведь пришел не просто так, а по делу. Вернее, он хочет сообщить нечто, что, возможно, будет для нас крайне интересно. Ты ничего не имеешь против того, чтобы его послушать?

– Ничего, – заверил я шефа и, скрестив руки на груди, принял позу благодарного и внимательного слушателя…

Седьмого мая, во вторник, где-то в районе половины одиннадцатого утра в бутик мужской одежды «Азимут», что в двух кварталах от Белорусского вокзала, вошел бомж. Продавец-консультант Катя Буткевич вежливо попросила его выйти, на что бомж заявил, что он пришел «приодеться поприличнее», то есть приобрести себе новую одежду, и, достав из кармана грязных засаленных джинсов пачку банкнот евро, помахал ею перед ее лицом. Растерявшись по неопытности, так как работала она в бутике всего второй день, Катя позвала управляющую магазина Лидию Григорьевну Миклашевскую. Та вышла в зал и попросила бомжа покинуть бутик, на что бездомный с достоинством заявил, что живет он в свободной стране и имеет право ходить где ему угодно и заходить куда ему вздумается. Особенно если он пришел в бутик по делу.

– И какое у вас к нам дело? – вежливо поинтересовалась

управляющая, презрительно оглядывая его с ног до головы. – У нас элитный бутик, и вряд ли наш товар будет вам по карману.

– Это как еще посмотреть, – усмехнулся бомж и снова достал из кармана грязных джинсов пачку евро. Купюры в ней – это успела заметить управляющая – были новенькие, достоинством в сто евро каждая. А еще Миклашевская успела заметить небольшую наколку на левой кисти руки бомжа, состоящую из трех букв, а именно: *сэр*.

– Простите, но мы не принимаем валюту, – не очень твердым голосом произнесла Лидия Григорьевна.

– Ну так поменяйте, что за вопрос, – ответил на это бомж и нагло плюхнулся в кресло для посетителей. – Я хочу приобрести у вас самый лучший клифт. А мне пока принесите кофе, что-то промерз я нынче.

– Клифт? – удивленно сморгнула Миклашевская, перебирая в памяти всех известных модельеров.

– Ну, да, – усмехнулся бомж. – Это костюм, по-вашему. Чтобы с примочками там разными. Пуговицы блестящие, и все такое… – Он закинул ногу на ногу и вопросительно уставился на управляющую: – Ну? В чем дело, сударыни? Вы меня будете обслуживать или как?

– А вы сами ваши евро не можете поменять? – спросила управляющая.

– Не могу, – беззаботно ответил бомж. – Я оставил свой паспорт дома на рояле, когда играл партию с Шубертом…

точнее, Шуберта.

Лидия Григорьевна какое-то время колебалась. С одной стороны, если пачка с евро настоящая – а она была настоящей, поскольку управляющая являлась дамой опытной и просто чувствовала это, – то почему бы не исполнить желания бомжа по максимуму, продав ему самую дорогую одежду и, по возможности, на все его евро, конечно, размененные в пункте обмена на рубли.

С другой стороны, евро бомжа могли быть ворованные. И это, скорее всего, именно так. В таком случае полученные деньги могли конфисковать, что нанесло бы ущерб бутику. Даже если он вернет одежду, то материи будет нанесен непоправимый вред, вряд ли после него кто-то станет ее носить, даже если это костюм от Borelli или, на худой конец, от Hugo Boss. И, конечно же, Лидию Григорьевну после всего случившегося вряд ли оставят в бутике управляющей.

В конечном итоге, благоразумие и осторожность перевесили, и Лидия Григорьевна заявила бомжу, что, если он немедленно не покинет бутик, она нажмет «тревожную кнопку», после чего бомж будет иметь дело с ОМОНом. Бомж на ее слова усмехнулся, мол, «вы, дамочки, упустили свой шанс хорошо заработать», и покинул бутик с гордо поднятой головой ранимого и оскорбленного человека…

Того же седьмого числа, только уже ближе к вечеру, к уборщице этого самого бутика «Азимут» Евдокии Кондратьевне, пришедшей получить субсидии в отделение Сбер-

банка, подошла парочка бомжей, мужчина и женщина, крайне непрезентабельного вида. Мужчина был крепко выпивши, не лучшим образом выглядела и его спутница – с подбитым глазом, замазанным в местах посинения и позеленения розовой губной помадой. Заплетающимся языком женщина попросила Евдокию Кондратьевну поменять им евро на рубли. Отпрянувшая было от них пенсионерка-уборщица была привлечена следующим предложением женщины:

– А мы тебе за это пять тыщ дадим…

Евдокия Кондратьевна, подумав, согласилась и приняла из рук «синеглазки» восемь сотенных купюр евро. Новеньких, явно еще не бывших в обращении. С сильно бьющимся сердцем – уж не фальшивые ли? – уборщица отдала в окошечко кассы паспорт и евро и через пару минут получила на руки тридцать одну тысячу шестьсот рублей. Отойдя от окошечка кассы, она быстро изъяла из означенной суммы пять тысяч, а немного подумав, положила себе в карман еще двести рублей. Весь остаток дня Евдокия Кондратьевна корила себя за то, что не решилась взять больше, ведь, когда она отдавала бомжам оставшиеся двадцать шесть тысяч четыреста, женщина, не считая деньги, сунула их в карман и лишь коротко спросила:

– Себе уже отстегнула?

– Ага, – машинально ответила уборщица, провожая взглядом удаляющиеся деньги.

– Ты, это, приходи сюда завтра часам к двенадцати, – по-

смотрела на нее бомжиха. – Мы тебе еще принесем евро поменять. Целую пачку. Десять тыщ тебе за это отстегнем… Лады?

Совершив коммерческую сделку, они расстались…

Придя убираться в бутик, Евдокия Кондратьевна рассказала о бомжах с новенькими евро управляющей Лидии Григорьевне, на что та, в свою очередь, рассказала про свой утренний случай с наглым бомжом, желающим приодеться у них в бутике «поприличнее».

– Ну а что? – удивленно протянула Евдокия Кондратьевна. – Сходили бы в обменник да поменяли его евро на рубли. Или послали бы эту новенькую, чтоб сходила и поменяла. В Европах так делают, и ничего. Клиент приходит, садится в кресло, кофеек попивает и ждет, когда за него все сделают. И паспорта никакие не нужны. Да еще потом и такси вызовут, чтобы домой с покупками отправить… Не-е, надо было принять у того бомжа деньги. Все, что у него были. И выручка была бы для магазина хорошая…

– Да я подумала, а вдруг эти евро фальшивые? Или краденые? – неуверенно ответила Лидия Григорьевна. – Неприятностей ведь потом не оберешься…

– Ну, вот, как видишь, не фальшивые, – сказала Евдокия Кондратьевна, все еще крепко сожалея, что не добавила к своей выручке эти злосчастные четыреста рублей. – А ворованные они или нет, какое наше дело? Наше дело – клиента хорошо обслужить, чтобы он вскоре опять к нам при-

шел… Ну, придет, скажем, к вам некий господин покупать рубашку за пятьдесят тысяч и костюм за двести. А вот откуда у него такие деньги? Да еще за одежу. Тоже, небось, ворованные. Нет, не наше это дело в чужие карманы-то заглядывать… Для этого полиция есть. А как вы думаете, откуда у них новенькие евро?

– У них? – переспросила управляющая.

– Ну, да, у них. У бомжей…

«И правда, откуда?» – подумала Лидия Григорьевна. Но ответа не нашла.

– Прямо даже не зна… Может, ограбили кого?

Но с бомжами это было еще не все.

Вечером этого же дня в ресторан «Аркадия», что на Бутырском Валу, вальяжной походкой вошел бомж по имени Виталик. Так он представился на входе швейцару, не желавшему его пускать. Но – пустил, поскольку Виталик сунул ему хрустящую сотенную купюру евро, на которой еще даже муха ни разу не сидела.

Такая же картина наблюдалась и в зале, когда путь ему преградил строгий метрдотель.

– Ты куда это зашел, приятель? – по-простецки приветствовал его мужчина в отлично сшитом смокинге. – Заплутал, поди? Ступай-ка назад, на хрен…

– Что значит, *ступай-ка*? – возмущенно произнес Виталик. – Да еще «на хрен»… Какое-то у вас, прямо скажем, нецивилизованное обращение к клиентам… Ты обо мне,

верно, по внешнему виду судишь? Обманчивое может у тебя получиться впечатление… Ты не смотри на мой прикид, дядя. Это я маскируюсь так, чтобы не узнавали и не приставали с разными просьбами. А на самом деле, я – миллионер… – С этими словами Виталик достал из кармана пачку евро и похлопал ею по грязной ладони. Потом вынул из нее пару сотенных купюр и сунул их в нагрудный карман смокинга ошарашенного метрдотеля. – Так что организуй-ка мне, дядя, все по высшему разряду…

Метрдотель вдруг вспомнил чудаковатого старичка в стоптанных башмаках и вязаной вытянутой кофте. Старичок приходил каждую пятницу в «Аркадию» отведать телячьи язычки, сочный говяжий стейк на кости и запить их полубутылкой черного и дорогущего Finca Altamiro Achaval Ferrer. Он садился недалеко от эстрады и сидел ровно два часа, слушая живую музыку и наблюдая за штатными танцорами. А затем расплачивался парой пятитысячных купюр, добавляя еще одну в качестве чаевых.

Потом на память метрдотелю пришел странноватый худой мужчина в очках с дужкой, перевязанной синей изолентой, и нейлоновой рубашке из семидесятых годов прошлого столетия под кургузым пиджачком с протертыми локтями. Этот худой мужчина в фантастических количествах поглощал бургеры «Айдахо», заедая их карпаччо из мраморной говядины и запивая рубиново-красным Tignanello Toscana IGT.2009 по триста долларов бутылка. Немногие знали, что

очкастый и худой господин (опять-таки) бомжеватого вида – владелец восьми московских газет, трех телекомпаний и крупный акционер «Газпрома». Рублей он не признавал, всегда расплачивался долларами, хоть это у остальных посетителей и не приветствовалось. За раз он проедал ровно тысячу долларов, а платил полторы. И приходил в «Аркадию» через день, пока не уехал на постоянное место жительства в Аргентину, продав газеты и телекомпании и оставив при себе лишь акции «Газпрома». Так что у богатых граждан, как говорится, свои причуды. «Вот еще один богатей чудит, правда, смердит очень, но за такие деньжищи придется потерпеть», – посмотрел на Виталика метрдотель и усадил его слегка на отшибе, за столик у окошка, отгороженный от остальных посетителей деревянной ширмочкой.

Конечно, так, на всякий случай, метрдотель проверил евро Виталика на аппарате De La Rue 2650 с ультрафиолетовой и инфракрасной детекцией. Деньги оказались, как он и предполагал, настоящими, что еще более укрепило метрдотеля во мнении, что Виталик – скучающий богач, который наряжался бомжом и отправлялся гулять по московским трущобам, чтобы скрасить скуку и испытать новые и по возможности острые ощущения. Кажется, услугу стать на время бомжом предоставляла какая-то московская фирма с экзотическим и трудно запоминаемым названием, снабжая богатеев драной и грязной одеждой и негласной охраной, чтобы клиента, не дай бог, ненароком не пришибли в какой-нибудь подворот-

не. Ну а то, что от Виталика пахло застарелой мочой, так это, наверное, так полагалось, дабы придать образу бомжа полную достоверность.

Обслуживал Виталика лучший официант ресторана «Аркадия» Гриша. Завсегдатаи звали его Гриней, как ровно через минуту стал называть его и Виталик. Гриня был понятлив, расторопен и крайне быстро появлялся с заказанными блюдами, словно вырастал из-под земли или имел способность материализоваться.

Вкус у «бомжа» оказался на удивление отменный, и это еще более укрепило метрдотеля во мнении, что тот «шифруется». Заказал он себе салатик с копченой утиной грудкой под медово-горчичным соусом и тартар из муксуна. Из горячих блюд предпочел куриные крылышки с соусом блю-чиз и язычки молодых ягнят с овощами, не прошел мимо Стейк de Costilla на ребрышках из мраморного мяса «prime». Из карты вин «бомж-богач» выбрал розовое и игристое испанское Cava Rosado Brut, что выдерживается в холодных погребах не менее полутора лет, и бутылку легкого французского Chablis. На десерт попросил шоколадный флан с мороженым и несколько долек ананаса в нежнейшей ромовой карамели.

Поглядеть на столь знатного едока-гурмана вышел сам шеф-повар Фердинанд, то ли аргентинец, то ли перуанец, хотя внешне больше походил на крестьянского сына из-под Рязани. Слегка поклонившись осоловевшему от еды и питья Виталику, откинувшемуся на спинку кресла, он на ломаном

русском языке полюбопытствовал:

– Как вам у нас… э-э-э… панрафилось?

– Понравилось, понравилось, – снисходительно ответил Виталик, ковыряясь зубочисткой во рту. – Заведение – класс!

– Надэюсь, ви эсчо к нам сайдете? – спросил то ли аргентинец, то ли перуанец.

– Непременно зайду. Считай, брателло, что приобрел путевого клиента, – произнес Виталик и, достав из кармана пачку евро, а затем еще одну, бросил их небрежно на столик. (Как показалось метрдотелю, стоявшему неподалеку, у Виталика в карманах были еще точно такие же пачки.) – Ты вот что, Фердик, сооруди-ка мне с десяток стейков, самых наилучших. Хочу друзей своих угостить. Ну, и вина принеси. Самого дорогого и вкусного, понял? Бутылок пять…

– Я распоряжусь, – учтиво поклонился подошедший метрдотель. – Сейчас все будет исполнено…

Через сорок минут, в течение которых Виталик медленно и нехотя потягивал кофе-глясе, принесенное ему в качестве бонуса, был собран большой пакет с завернутыми стейками и винными бутылками для друзей «богача».

– С вас за ужин шестнадцать тысяч двести и за стейки и вино навынос – восемьдесят шесть тысяч. Итого – сто две тысячи двести, – скороговоркой произнес Гриня и посмотрел в сторону.

Виталик невозмутимо отсчитал из пачки с евро тридцать

купюр и пододвинул их Грине.

– Простите, а не могли бы вы рассчитаться с нами в рублях? – осторожно спросил официант.

– «Деревянных» при себе нет, – отрезал Виталик и отделил от пачки еще две купюры: – А если так?

Гриня вопросительно посмотрел на метрдотеля, стоявшего как бы в сторонке, и тот в ответ на взгляд официанта согласно кивнул.

– Что ж, – сахарно улыбнулся Гриня. – Для вас мы всегда готовы сделать исключение.

– Вот и славненько, – произнес Виталик, как и подобает настоящему барину. Ни метрдотель, ни Гриша, ни, тем более, шеф-повар, который то ли аргентинец, то ли перуанец (а может, просто русский Ванька из-под Рязани), не ведали о том, да и не могли предположить, что еще третьего дня «богач» Виталик лежал пьяный и обмочившийся на раздавленных картонных коробках в одном их тупиков терминала станции Москва-Пассажирская-Смоленская. А сегодня уже ощущал себя Крезом (на худой конец, Биллом Гейтсом) и господином положения. Вот ведь что делают с человеком большие деньги. Причем перевоплощение происходит мгновенно…

– Может, вам такси вызвать? – подобострастно предложил метрдотель.

– А то, – ответил Виталик. – Как же я все это дотащу на себе до Москвы-Сортировочной? Ну, чего вы напряглись?

Шутка у меня такая. Ха-ха!

Он, конечно, умолчал, что ему часто приходится таскать «на себе» и не такие котомки, поскольку он, как и прочие бомжи, «все свое носил с собой»…

А вчера вечером в ресторан зашел поужинать Герман Юрьевич Возницын. Метрдотель, который был ему знаком, рассказал о недавнем визите в «Аркадию» «богача», рядившегося под бомжа, и спросил, не знает ли он, как называется фирма, что предоставляет такую услугу – побыть какое-то время в шкуре бомжа или нищего.

– Нет, не знаю, – ответил Герман Юрьевич. – И сомневаюсь, что фирма, предоставляющая подобные услуги, вообще существует.

– Но он был явно не беден и буквально набит пачками сотенных евро, – недоуменно пожал плечами метрдотель. – Я сам это видел, Герман Юрьевич. Выложил за ужин шестнадцать тысяч и с собой взял на восемьдесят шесть, при этом и глазом не моргнув.

– Бывает, – неопределенно ответил Возницын, сопоставляя в уме информацию, которую услышал от метрдотеля, с рассказом управляющей его бутиком Миклашевской. Лидия Григорьевна, конечно, доложила ему, как своему боссу, о визите бомжа, который хотел приодеться в бутике за евро и опять-таки размахивал пачкой новеньких сотенных евро. И присовокупила к своему рассказу случай с уборщицей Евдокией Кондратьевной, которую полупьяные бомж с бомжи-

хой упросили поменять в Сбербанке евро и сказали, чтобы та завтра снова пришла к Сбербанку и помогла поменять им евро еще. Эти три случая с бомжами, связанные между собой пачками новеньких евро, всерьез заинтересовали Германа Юрьевича, и он решил поведать о них своему однокашнику-журналисту, который владел довольно раскрученной в Москве телекомпанией. Однокашником оказался мой горячо почитаемый шеф. Заканчивая свой рассказ, Возницын обвел взглядом сначала шефа, потом меня, принявшего задумчивое выражение, и задал сакраментальный вопрос:

– Спрашивается: откуда у бомжей новенькие евро, да еще в таких количествах, да еще самые что ни на есть настоящие? В самом деле, уж не банк же они ограбили!

– Может, они нашли припрятанный где-нибудь чемодан с пачками евро и теперь распоряжаются ими, как хотят? – предположил я. – Или украли такой чемодан…

– Может, – согласился Герман Юрьевич. – А может, и нет.

– То есть? – внимательно посмотрел на друга шеф.

– А вы не допускаете такого: некто, очень богатый человек, проникшись неизбывной жалостью к голодным и бедным людям, не имеющим крова над головой, задумал совершить акт благотворительности и в качестве вспоможения раздал бомжам пачки евро. Кому-то из них, кто оказался в нужное время и в нужном месте, вполне возможно, досталось несколько пачек, – предположил Возницын.

– «Вспоможения»… Ишь ты, слово-то какое откопал…

Но помощь-то эта, если, конечно, таковая была, коснулась лишь немногих бомжей, – заметил шеф. – И только тех, – посмотрел он на Возницына, – которые, как ты сказал, «оказались в нужное время в нужном месте». А бомжей у нас в Москве – десятки тысяч! Не лучше ли было бы оказать благотворительную помощь как-то централизованно, что ли, чтобы эта помощь коснулась как можно большего количества бомжей?..

– Ты меня удивляешь, – произнес Герман Юрьевич.

– Вы меня тоже удивляете, шеф, – поддержал я гостя.

– Почему это? – поднял брови тот, посмотрев сначала на своего однокашника, а потом на меня.

– Да потому, что, отдай он свои деньги каким-нибудь организациям, занимающимся бомжами, то до самих бомжей не дойдет ни копейки, – усмехнулся Герман Юрьевич, – чинуши все растащат по собственным карманам. И помощи вообще никому и никакой не будет. А так, хоть кто-то из бомжей получит конкретные и неплохие деньги…

– Именно так, – полностью согласился я с доводами Возницына.

– Пожалуй, – задумчиво покачал головой шеф. – Вот только что-то не верится, что в наше время могут быть такие альтруисты.

– Так или иначе, – заключил свое повествование Герман Юрьевич, – а вам, как журналистам, должно быть интересно узнать, откуда ноги растут у этих евро. Нашли их бомжи, или

кто-то их им дал…

– Любопытно, не скрою, – кивнул шеф.

– И мне интересно, – сказал Возницын. – Вот и разузнайте это. Пусть кто-нибудь порасторопней займется таким выяснением. Неплохая может получиться передача, а?..

– Да, неплохая, – снова согласился со своим другом шеф. – А самый расторопный – вот он, перед тобой…

– Я это уже понял, – покосился на меня Герман Юрьевич.

– Сразу вопрос можно? – спросил я, тем самым выказывая свое согласие заняться происхождением новеньких евро у бомжей.

– Валяй! – разрешил шеф.

– У меня вопрос не к вам, а к вашему другу.

– Ну, давай, задавай, – нетерпеливо проговорил Возницын.

– А те бомжи, которым седьмого мая уборщица вашего бутика поменяла евро на рубли, пришли на следующий день?

– Не знаю, – ответил Герман Юрьевич.

– Тогда мне самому надо с ней побеседовать, – сказал я. – Она когда у вас убирается?

– Вечерами, – ответил Возницын. – Перед закрытием.

– А когда вы закрываетесь?

– В девять.

– Вот и славненько. Свое расследование я начну именно с нее…

– Расследование? – переспросил Возницын, сложив брови

домиком.

– Да, – встрял в наш разговор шеф. – Аристарх Русаков – наш лучший специалист по журналистским расследованиям.

– Приятно слышать, шеф, – охотно отреагировал я на столь приятную реплику начальства. Выпитый коньяк определенно бил по мозгам, следовало нажать на тормоза, как бы не занесло… Но удержаться от следующей фразы все-таки не сумел: – Что выросло, то выросло, Гаврила Спиридонович…

– Хотелось бы выслушать твой план, который, как мне кажется, у тебя уже созрел, – хмыкнув, произнес шеф.

– Нет, еще не созрел, – ответил я. – Но к завтрашнему утру непременно созреет. И я его доложу вам. Завтра… А пока мне надо подумать.

– Хорошо. Иди и думай. Жду завтра в десять с планом журналистского расследования и концепцией новой программы.

– А название вы ей уже придумали, шеф, – без вопросительной интонации произнес я.

– Придумал. Но пока – только рабочее название.

– И какое же?

– «Откуда евро, господа?» А, каково?

– А что, мне нравится, – подал реплику с места Возницын. – Вполне весомо.

– Мне тоже нравится, – сказал я и посмотрел на шефа: – Разрешите идти?

– Ступай с миром!

– Есть, – отчеканил я по-военному, поднялся и, повернувшись кругом через левое плечо, вышел из кабинета. А закрывая дверь, услышал вопрос, заданный шефу Германом Юрьевичем:

– А какое все-таки у него отчество?

– Африканыч.

– Как?!

– Африканыч, – повторил шеф.

Даже через плотно закрытую дверь было слышно, как раскатисто захохотал Герман Юрьевич Возницын…

Глава 2. Легенда о том, как я стал бомжом, или Почему сорвалась операция «Сбербанк»

Первой ценной мыслью, пришедшей мне в голову, была та, что все случаи с бомжами произошли в районе Белорусского вокзала и метро «Белорусская», где находились и бутик Германа Юрьевича Возницына «Азимут», и отделение Сбербанка, что в начале улицы Лесной, и ресторан «Аркадия».

Что это может означать?

А это может означать то, что бомжи с пачками евро – с Белорусского вокзала…

К ночи у меня созрел план действий.

1. Побеседовать с уборщицей бутика господина Возницына Евдокией Кондратьевной на предмет обмена евро бомжам.

2. Найти этих бомжей, что меняли евро на рубли, и поговорить с ними.

3. Найти бомжа с наколкой на левой кисти руки *сэр* и поговорить с ним.

4. Найти бомжа Виталика и поговорить с ним.

5. Во исполнение пунктов 2–4 самому стать бомжом (желательно как можно более правдоподобным).

Утром я сообщил, как и обещал, свой план шефу. Он его одобрил, правда, немного засомневался с пунктом пятым.

– Ну и как ты собираешься стать бомжом? – спросил Гаврила Спиридонович.

– Наряжусь в старую одежду, – ответил я.

– И все?

– Перестану бриться.

– А еще?

– Перестану мыться, стричься, состригать ногти.

– И это все?

– А что еще нужно? – вопросом на вопрос ответил я.

– Бомжи специфически пахнут, – подумав, произнес шеф. – И у них иное мировоззрение, нежели у простых граждан, имеющих кров и пищу.

– Я постараюсь. И потом, я буду играть роль начинающего бомжа, разыскивающего своих знакомых.

– Тебе надо придумать крепкую легенду, как ты стал бомжом, – раздумчиво произнес шеф. – Ими же по-разному становятся. Кто по стечению неблагоприятных обстоятельств, кто и по собственной воле, а бывает, что и по призванию.

– Это я знаю, – кивнул я. – Ну и какая у меня будет легенда?

– Давай вместе сочинять, – с готовностью предложил шеф и тут же включился в рабочий процесс: – Итак, ты бомж всего несколько дней. У тебя ни документов, ни денег, – принялся он загибать пальцы. – А как это случилось?

– Ну, потерял… – предположил я.

– Неубедительно – кисло поморщился Гаврила Спиридонович, – а как ты лишился жилья? Я тут кое-что вычитал в Интернете, как бомжами становятся… Например, одна женщина уже семь лет бомжует… В Москву приезжала за товаром откуда-то из области. Сумки огромные на себе таскала, что не каждому мужику под силу. Как-то опоздала на электричку, и пришлось остаться ночевать на вокзале. На соседней скамье она увидела мужика-бомжа. А как увидела, так сразу и влюбилась, хотя ей уж тогда за сорок было. Проговорили они всю ночь. Утром она уехала, дома сказала мужу: вот, дескать, влюбилась, жить без него не могу.

Муж, недолго думая, выставил ее из дому, и женщина поехала обратно в Москву. Нашла этого своего бомжа, и вот уже семь лет они живут душа в душу…

– Прямо сказка какая-то со счастливым концом. Как говорится, с милым рай и в шалаше, – констатировал я.

– Кстати, в нашем случае – без шалаша, – поправил меня шеф. – А то еще бывает, задолжал человек по квартплате и, главное, по коммунальным услугам, а тут ему якобы помощь предлагают. Мол, поменяй свою квартиру на меньшую, а разницу в цене аккурат за долги отдашь. Соглашается бедолага, продает свою квартиру и покупает меньшую. Но эта меньшая квартира уже кому-то принадлежит, и остается человек без жилья. – Шеф внимательно посмотрел на меня и добавил: – Но тебе это не подходит, молод слишком, чтоб

долгов таких наделать.

– Еще что можете предложить? – спросил я.

– Ты только что из зоны. Пришел, а у тебя ни жены, ни квартиры…

– Не пойдет! Среди бомжей сидевших предостаточно, они меня вмиг раскусят.

– А что, если роковая любовь? – с энтузиазмом предложил шеф.

– То есть? – задумался я.

– Ну, у тебя была семья, есть ребенок…

– Была вполне приличная работа, – добавил я.

– Да, ты писал кандидатскую диссертацию и вел семинары у студентов на кафедре периодической печати факультета журналистики, – продолжил фантазировать шеф. – И одна второкурсница по имени Алина…

– …или Алиса…

– …которая была в твоей группе…

– …завалила у меня зачет по зарубежной литературе…

– …и стала тебя обольщать…

– …поскольку завалила и пересдачу…

– …и обольстила тебя, в конце концов…

– …а я подумал, что все это серьезно…

– …и влюбился в нее…

– …и был от счастья на седьмом небе…

– …о чем стало известно твоей жене…

– …которая потребовала от меня объяснений…

– …и ты честно признался, что любишь другую…

– …после чего я ушел из семьи, оставив жене и трехлетнему сынишке квартиру…

– …и взяв с собой только один чемодан личных вещей и три любимые книги…

– …а именно: «Похождения бравого солдата Швейка»…

– …«Двенадцать стульев» и «Золотой теленок»…

– …и «История Битлз»…

– И мы с Алиной стали проживать на съемной квартире. Однако счастье мое оказалось недолгим, – начал я новый виток мозговой атаки, – и буквально через полгода…

– …нет, через три месяца…

– …Алиса…

– …нет, Алина…

– …ну, пусть Алина, изменила мне…

– …с доцентом…

– …нет, с профессором Засуньским…

– …а по факультету пополз слух, что Алина…

– …изменила не только с Засуньским, но еще с доцентами Шавалеевым и Корнейчуком…

– …а также преподавателем физкультуры Стасом Потапенко…

– …и я после этого стал попивать… А лучше откровенно бухать…

– …и не раз был замечен выпивши в университете…

– …после чего меня попросили с кафедры периодической

печати…

– …а затем и заставили написать заявление по собственному желанию…

– …после чего я запил еще больше, к тому же Алина ушла жить к физкультурнику Потапенко…

– …ты пил, нигде не работал, пробавлялся случайными заработками и крепко задолжал за съемную квартиру…

– …аж за восемь месяцев…

– …можно и за десять. После чего к тебе пришли крепкие ребята, избили тебя и выкинули из квартиры…

– …а паспорт у меня отобрал за долги хозяин квартиры… Нет, лучше вытянул ночью из кармана, когда я спал.

– …и ты очутился на улице…

– Все верно, – отсмеявшись, сказал я, и на этом мы закончили «мозговую атаку». Легенда для меня была готова…

– А вы откуда знали, что я стану бомжом? – спохватился я.

– Ну-у, предполага-а-ал, – протянул шеф. – Ты же у нас творческая натура. А характерная роль как раз для тебя.

– А вы очень умный, шеф. И вообще я считаю, что нам всем крупно повезло с вами.

– Ты не заигрывайся больно-то, – усмехнулся шеф. – В «Авокадо» не все так считают…

В общем, легенда моего появления в нестройных, но многочисленных рядах бомжей была придумана, мой план «мероприятий» был шефом одобрен, и оставалось только начать действовать. К чему я и приступил, начиная с сегодняшнего

вечера…

Уборщица бутика «Азимут», принадлежащего Герману Юрьевичу Возницыну, Евдокия Кондратьевна Концова оказалась женщиной еще не старой и весьма сообразительной. Правда, вначале она с некоторой опаской отнеслась к моим вопросам. Но когда узнала, что задаю я их с ведома и благословения Германа Юрьевича, то прониклась ко мне доверием и некоторым уважением.

Она подробно и в красках описала бомжа, что был со своей «дамой» возле отделения Сбербанка на Лесной седьмого мая. Я бы вряд ли так запомнил…

– У него еще шишка была на щеке такая… жировик. Питаются они нерегулярно, отбросами всякими, обмен веществ в организме нарушен, вот вам и жировик, – по-деловому пояснила она мне. – Вот, собственно, и все. Больше про него ничего вспомнить не могу…

– А женщина? – спросил я. – Ее вы можете описать?

– Могу. – Евдокия Кондратьевна брезгливо поморщилась: – Если ее, конечно, можно назвать женщиной… Ну, что, одета она была в шерстяную юбку и кофту. Под кофтой у нее была мужская рубашка. На ногах – мужские ботинки с порванными шнурками. Лет ей тридцать с чем-нибудь, а может, и меньше. Их ведь не разберешь… Под правым глазом – синяк лиловый, плохо замазанный пудрой или даже помадой. Волосы русые, немного вьются. Наверное, в молодости

она была довольно хорошенькой. Пока пить не начала. Держится независимо, и вообще в этой паре она была главной. Голос пропитой, довольно хриплый. Грудь большая. Такая, что мужчинам нравится… – добавила она, кинув на меня быстрый взгляд.

– Ну а какие-нибудь особые приметы вы припомнить не можете? Вот вы сказали, что на щеке мужчины имелся жировик. Это уже особая примета. А на лице женщины ничего такого особенного не было?

– Кроме синяка – нет, – ответила Евдокия Кондратьевна. – Ну, может, скулы у нее были широковаты…

– Это уже кое-что.

– Да, еще когда я ей деньги передавала, то на руки посмотрела, – припомнила уборщица. – Холеные руки, работы деревенской не знали. Грязнущие были, правда…

– Хорошо, Евдокия Кондратьевна. Ну, подошли они к вам, значит, и попросили поменять евро на рубли.

– Да. Паспортов-то ведь у них нет, а для обмена валюты в банках паспорта требуют.

– Это ясно, – сказал я. – Вы сразу согласились?

– Нет, – ответила уборщица. – Только когда вознаграждение за это пообещали.

– Пять тысяч?

– Да, – удивленно посмотрела на меня Концова. – А вы откуда знаете?

– Ну, вы же рассказали об этом вашей управляющей, –

пояснил я, – Лидией Григорьевной, кажется, ее зовут.

– Ну… да.

– А Лидия Григорьевна, – продолжил я, – рассказала об этом случае и бомже, который пришел в ваш бутик «приодеться», своему боссу, Герману Юрьевичу. А он, в свою очередь, рассказал об обоих случаях мне и еще одному человеку…

– Который раз убеждаюсь в том, что бабам ничего рассказывать нельзя, – с чувством произнесла Евдокия Кондратьевна, недовольно покачав головой.

– Это точно, – подтвердил я, почему-то вспомнив об Ирине. Интересно, как она воспримет мое перевоплощение в бомжа и отсутствие дома. Не хотелось бы, чтобы она начала сомневаться в искренности моих чувств к ней. Ведь у нас только-только все наладилось…

– Да, – говорила тем временем уборщица. – Они пообещали мне пять тысяч дать, и я согласилась. А что? – посмотрела она на меня с некоторым вызовом. – Они эти деньги все равно пропьют, а мне хорошая прибавка к пенсии…

– А я ничего не имею против, – успокоил я Концову. – Вы оказываете им услугу, даже в достаточной степени рискуете – а вдруг эти евро окажутся фальшивыми? – стало быть, имеете полное право на вознаграждение. К тому же не вы просили за обмен денег вознаграждение, а они сами добровольно предложили.

– Вот именно! – расслабилась Евдокия Кондратьевна. – А

вдруг бы эти евро оказались фальшивыми? И меня за шкирку – хвать! А ну, говори, старая, откуда у тебя такие евро? В общем, поменяла я им их евро.

– Сколько? – спросил я, чтобы просто уточнить.

– Восемьсот.

– Неплохо. И все евро были новенькими?

– Именно. Как будто их только что из новенькой пачки вынули. Даже складочек на них не было.

– Ясно, – резюмировал я. – А что было дальше?

– А дальше я забрала себе свой *гонорар*, а остальное отдала бомжихе.

– И что та сказала?

– Она сказала, что завтра они принесут на обмен целую пачку евро, а если я помогу ее им обменять, то получу за это десять тысяч. Я подумала и снова согласилась…

– В котором часу у вас была назначена встреча у отделения Сбербанка? – спросил я.

– В двенадцать.

– Вы пришли?

– Пришла.

– А они?

– А они не пришли, – печально посмотрела на меня Концова. – И обещанные десять тысяч от меня уплыли…

– Ну, может, вы как-то разминулись? – предположил я.

– Нет, – ответила уборщица. – Они просто не явились. Я ведь ждала их на ступеньках этого Сбербанка, никуда не

отходила. Целый час ждала. Да еще с четвертью. Не пришли они…

Все. Спрашивать у Концовой было больше нечего. И я отправился домой рядиться… тьфу ты, становиться бомжом…

Интересно, почему не пришли к Сбербанку бомж с бомжихой?

Глава 3. Клим и его команда, или Похороны Космоса

Вы думаете, что, если нарядитесь в грязную поношенную одежду, перестанете умываться, накопите грязь под ногтями и станете рыться в помойках и собирать бутылки, сразу сделаетесь похожи на бомжа?

Ошибаетесь.

Всего этого мало. Бутылки, к примеру, может собирать и старушка, которой недостает пенсии на оплату квартиры и коммунальных услуг. Или на еду после этой уплаты.

Шариться в помойке может и мастеровой домохозяин, надеющийся найти нужную для хозяйства или недостающую для какой-нибудь поделки вещицу. Или человек, выбросивший в уже вынесенное мусорное ведро старый дерматиновый кошелек, в котором, оказывается, лежало пять тысяч заначенных им год назад рублей.

Грязь под ногтями может быть у работящего крестьянина или даже у горожанина, только что выкопавшего картошку со своего садового или дачного участка.

Неумытым может быть рядовой лентяй. Ну а поношенная или грязная одежда вполне может принадлежать пожилому работяге, который продолжает «пахать» на родном заводе за семь или восемь тысяч целковых, вместо того чтобы плюнуть

на него да растереть.

Не-ет, господа.

От настоящего бомжа должно еще специфически пахнуть: кислятиной, грязью, мочой, неустроенностью, полным поражением и капитуляцией перед жизнью, бедой и смиренным отчаянием.

Даже ходят бомжи как-то иначе: неторопливо, со значением, едва ли не по-барски, но это от постоянного недосыпа. Где бы они ни притулились, их отовсюду гонят.

И еще мировоззрение…

Что, разве нельзя взять себя в руки, найти какую-нибудь работу и, в конце концов, выкупить паспорт у забравшего его, как, к примеру, в случае с моей легендой? Более половины бомжей могут поменять жизнь в лучшую сторону, но почему-то не делают этого. И даже не пытаются. Попрошайничать, подворовывать, пить водку, распоряжаться всеми двадцатью четырьмя часами в сутки по личному усмотрению и ни за что не нести ответственности, по их мнению, лучше, нежели стоять восемь часов за станком или класть кирпич. А может, и вправду так оно и есть…

Собственно, мне, как бомжу-новичку, мочой и грязью вонять было еще необязательно, но вот бедой и поражением в борьбе с жизнью от меня уже должно было веять. И еще водочным перегаром. Поэтому перед выходом «в свет» я махнул два раза по трети стакана водки, закусил ее соленым огурцом, надел затертые джинсы, старые кеды, застиранную

футболку, замасленную штормовку и матерчатую кепку – то есть одежду, в которой я обычно ходил за грибами. Во внутренний карман штормовки с засунул початую бутылку водки. Небольшая щетина на лице у меня уже имелась, так что я вполне мог сойти за начинающего бомжа. Внимательно оглядев себя в зеркало, я потушил взгляд, сделав его безразлично-затравленным, и отправился на Белорусский вокзал…

Площадь Тверская Застава – довольно аккуратная площадь. Как и сам вокзал. Бомжей там можно встретить, если искать их специально. Но вот если углубиться в дебри запасных путей и железнодорожных веток, побродить по территории бывших складов и одноэтажных строений непонятного назначения, то можно увидеть много интересного.

Вот группа бомжей, четверо мужчин, расположившись на смятых картонных коробках возле ржавых контейнеров, предается пиршеству. На деревянном ящике, застеленном картоном, оторванным от коробки, вареная колбаса, черный хлеб, две раскрытые банки консервов, репчатый лук и две бутылки водки. Водка разливается по пластиковым стаканчикам всем поровну. Разговоров немного. Все говорят о какой-то Любке из Краснодара, которую нашли ночью на складском пустыре с перерезанным горлом.

– Привет честной компании, – поздоровалась я с бомжами. – Примете к себе?

Мне ответил только один мужик, лет сорока с гаком. Он, наверное, у них старший. Остальные молчали. Немного по-

думав, мужик предложил:

– Присаживайся.

Я подобрал картонный лист и сел «за стол». Достал початую бутылку водки и поставил ее на стол. Отношение ко мне остальных немного поменялось в лучшую сторону…

– Что, недавно бомжуешь?

Это спросил старший. Все взоры устремились на меня: один любопытный, один безразличный и два оценивающих.

– Да, – кивнул я. – Третий день. Вот, не знаю, что мне и делать.

– А что тут еще делать, – усмехнулся старший. – Живи, как можешь. И как живется. Хошь один живи, хошь к нам прибивайся. Одному трудно. Обворуют, отнимут последнее. Избить могут до полусмерти. Никто не защитит. В компании выжить легче. Только учти, что, коль ты в компании, придется жить по нашим законам, ну а если ты сам по себе, так никто тебе не указ.

– Я не знаю, как лучше, – честно признался я. – Вот, может, знакомых кого встречу.

– А что, среди нашего брата у тебя знакомые есть? – заинтересованно спросил старший.

– Есть, – ответил я.

– Кто такой, как зовут?

– Кто такой, я не знаю, знаю только, что Виталиком зовут. В ресторане мы с ним познакомились. – Неделю назад…

– А-а, ну это, видать, тогда, когда он Гришке-пройдохе и

его пацанам эти, как их, стейки привез. И вино дорогущее, – встрял в разговор парень в свитере и напоролся на жесткий взгляд старшего.

– Тебе, сопля, слова никто не давал… – отрубил тот.

– Да, ладно, Клим, чо ты…

– Хочешь, как Виталик, кончить? – уже не жестко, а зло посмотрел на парня старший, которого звали Клим.

– Нет, – явно испугался парень.

– Ну, тогда держи язык за зубами. Еще неизвестно, что за птица такая к нам залетела. – Клим с явным недоверием посмотрел на меня и разлил по стаканчикам: – Ну, что, вздрогнем?

Мужики подняли свои стаканы и выпили. Выпил и старшой. Потом закусил колбасой и мельком глянул на меня:

– Как тебя звать-то?

– Аристарх, – ответил я.

– Что, прям так тебя и звать: Аристарх? – удивился Клим.

– Ну, да.

– На «личку» похоже.

– Знаю, говорили. Друзья, когда они у меня были, звали меня Старый. Так им было удобнее, – добавил я.

– Что, испарились друзья-то, когда тебе худо стало? – криво усмехнулся Клим.

– Испарились, – ответил я, подпустив печали в голос.

– Значит, не друзья это были, а говно.

– Может быть, – согласился я, поскольку ситуация требо-

вала от меня именно это.

– Ну, и мы тогда тебя будем звать Старый, лады? – предложил он.

– Лады.

– А что, в Москве у тебя родни совсем, что ли, нет? – спросил Клим.

– Совсем.

– Тоже детдомовский?

– Нет, почему детдомовский? – растерянно посмотрел я на Клима.

– У нас тут много детдомовских. Чинуши с положенными квартирами для детдомовцев делягу замутили, вот и оставили, суки, без жилья и без прописки. Кое у кого из наших и паспорта есть, да что с ними делать, раз там прописка не стоит? Так, продать разве кому, когда совсем приспичит.

– Да нет, были у меня родители, – сказал я. – Умерли просто рано. Братьев и сестер нет, даже двоюродных. А жена с сыном от меня отказались…

– А что отказались-то? – мягко, без нажима спросил Клим.

– А-а, долгая история.

– Так нам торопиться вроде некуда. Паша, плесни еще по полстакашка…

Пашей оказался бородатый мужик лет тридцати пяти. Он разлил водку по пяти стаканчикам и вопросительно глянул на Клима, ожидая команды.

– Ну, что, за знакомство? – предложил старшой. – Радоваться, что нашего полку прибыло, как-то негоже, но, с другой стороны, если наш новый знакомый – человек дельный и товарищ хороший, то почему бы и не выпить? Верно говорю, Старый? – изучающее посмотрел он на меня.

– Верно, – пожал я плечами.

– Ты пей, закусывай, – предложил Клим. – Не брезгуй, пища здоровая, ты не сомневайся, у нас все чисто, мы ведь не китайцы какие…

– Не понял? А что, среди бомжей и китайцы есть?

Бомжи сдержанно рассмеялись, а Клим, усмехнувшись, пояснил:

– Есть. Это те, кто вконец опустился. Завшивели, не моются никогда, не стираются, жрут что ни попадя, из помоек. Низшая каста, так сказать…

– Понял, – сказал я и, выпив налитые полстакашка, закусил кусочком вареной колбасы. На мое удивление, по качеству и вкусу она оказалась не из самых дешевых…

– Ну, рассказывай, Старый, что там с тобой приключилось, что ты в бомжи определился, – снова пытливо посмотрел на меня Клим. – Только шибко ты нас не лечи, мы чистую правду от голимого вранья отличить вполне способны…

– У меня высшее университетское образование, я закончил аспирантуру, работал над кандидатской диссертацией, преподавал, то есть вел семинары у студентов… – начал я. – И тут… одна студентка… хорошенькая такая… влюбилась

в меня. Ну, я думал, что влюбилась. И я в нее влюбился… А потом оказалось, что она просто использовала меня, как и других преподавателей, чтобы зачеты и хорошие оценки ей ставили. О ней узнала жена, мне пришлось уйти, с работы поперли за пьянку, потом выгнали из общежития. Идти некуда, вот… и пришел… сюда… – закончил я свое повествование.

– А ты говорил – долгая история, – сочувственно произнес Клим. – Подобные истории, когда кто-то оказался в бомжах из-за бабы, у нас на первом месте. Из-за них, баб, все беды у мужиков. Так что ты такой у нас не один, Старый. Среди нас и доцент имеется, и подполковник есть, и афганец-орденоносец. Бомжи ведь тоже разные встречаются… Ну, так ты что решил: сам по себе будешь дальше жизнь ломать или к нам приткнешься? Ты образованный, а такие нам нужны.

– Зачем? – удивился я.

– Да мало ли в жизни случается обстоятельств, – раздумчиво произнес Клим. – Может, бумагу какую надо будет грамотно написать. Или спор рассудить по справедливости. А то дельное что-то посоветовать. Если ты в каком-либо деле специалист, то и в бомжах не пропадешь…

– Ты извини, Клим, но мне нужно время, чтобы определиться.

– А тебя никто и не торопит, – спокойно ответил он. – Оглядись, получи пару раз в зубы…

– За что в зубы-то?

– А за просто так, – усмехнулся Клим. – Для профилактики. Или за то, что на тебе имеется штормовка, а вот у Васьки Кривого ее нет.

– А вот ты давеча сказал, «что, хочешь, как Виталик, кончить»? Что это значит?

– Что, все знакомого своего надеешься отыскать?

– Ну, все ж знакомый, – неопределенно ответил я.

– Нет больше Виталика, – сказал Клим. – Забудь! Зарезали его восьмого днем…

– Как это? – сморгнул я.

– А вот так: полоснули ножичком по горлу – и привет, – услышал я спокойный ответ. Смертью тут никого не удивишь.

– А за что? – растерянно посмотрел я на Клима.

– А вот за что – тебе лучше не знать. И никому лучше не знать, ясно?

– Ясно, – дружно подхватили мужики.

– А тебе ясно? – требовательного посмотрел на молодого парня Клим. – Чтоб к вагону – ни ногой!

– Да понял я, понял, – ответил парень, отмахнувшись.

– А что за вагон? – поинтересовался я.

На что Клим выпучил глаза и прислонил указательный палец к губам:

– Тс-с. Забудь про вагон и про этот разговор. Если не хочешь, чтобы и тебе ножичком по горлу…

Поскольку «знакомых» у меня теперь среди бомжей как

бы больше не было, самым правильным решением было бы примкнуть к этой четверке бездомных, старший среди которых Клим. Он нес ответственность за их жизни и относительное благополучие, а они, в свою очередь, должны были «работать», то есть собирать металлические банки, бутылки, картон, сдавать все собранное, а полученные деньги вносить в общую казну, держателем которой был Клим. Конечно, он и сам тоже «работал». Сшибал деньгу попрошайничеством, подворовывал по возможности, менял среди таких же, как и он, вещички на одежду, а затем одежду на деньги, случалось и наоборот. «Общак» он, как я потом узнал, при себе не держал. Поумнел после того, как однажды на него напали и избили до полусмерти, отняв все «общественные» деньги, которые он тогда носил при себе. Теперь он хранил «общак» в тайнике, известном лишь ему одному. Деньги шли на закупку продуктов и водки, а при нужде и на лекарства. Когда позапрошлой зимой, как мне рассказал однажды Паша, заболел Бабай – самый старый из бомжей, то на «общаковские» деньги покупались для него нужные лекарства. Словом, организация этой группы бомжей была, на мой взгляд, единственно правильной, применительно, конечно, к их положению.

Четвертым из компании Клима был парень лет девятнадцати, которого называли Космос. Почему так? Потому что он сильно походил на Космоса из сериала «Бригада». Ну, то есть на актера Дмитрия Дюжева. Тоже был такой же долго-

вязый, скуластый, угловатый и худой. И шебутной к тому же. Вечно совал нос, куда не следовало, часто дрался и являлся «после работы» с синяком под глазом или с разбитым носом.

Итак, нас стало пятеро: Клим, бородатый Паша, Бабай, Космос и я, Старый, как все стали меня называть. Паша, как мне стало уже известно, был детдомовский, у Космоса отродясь не было отца, а мать пила и не кормила его. С девяти лет он дневал и ночевал на улице, иногда заходя домой, чтобы что-нибудь стащить, хотя и тащить-то там уже было нечего. Потом дома не стало: мать Космоса пропила квартиру, и ее выселили в какое-то «временное» жилье, находящееся неведомо где. К тому времени Космос привык жить на улице, связался с такими же пацанами и пристрастился нюхать клей и смотреть после этого «мультики».

На Белорусском вокзале он очутился после очередной ментовской облавы. Здесь облав не было, поскольку бомжи никого не интересовали: ни милицию, ни полицию, когда она стала именоваться таковой, ни социальные службы, которые имелись, но непонятно, чем занимались. Космос держался до пятнадцати лет с малолетками – у них были свои компании и «бригады». Но когда они впятером, нанюхавшись клея, забили насмерть какого-то приезжего мужика в шляпе и с портфелем, напившегося в вокзальном ресторане до беспамятства, Космос отстал от малолеток и примкнул к взрослым. Убивать людей за одежду и деньги ему не понравилось, хотя в его бывшей «бригаде» имелись и такие. Да и «зако-

ны» у малолеток были жестче, нежели у взрослых. Сначала Космос кучковался с «китайцами», но те давно уже «забили» и на себя, и на окружающих, а он мечтал все же вырваться как-нибудь из трясины, что засосала таких, как он. Самая заветная его мечта – стать водителем-дальнобойщиком. Чтобы все время была дорога, новые места, хороший заработок, на который можно было бы купить полно жратвы и выпивки. Космос едва мог читать и писать, поскольку после девяти лет в школе не учился, и, конечно, водить автомобиль не умел. Осуществима ли была его мечта? Вряд ли…

Бабай был татарином-тептярем по национальности. Кажется, его звали Шаймием Шаймиевичем, и он очень гордился, что его имя и отчество созвучно фамилии первого президента Татарстана, ныне ушедшего на почетный отдых. В две тысячи восьмом году, в возрасте сорока восьми лет, Бабай приехал на заработки в Казань, поскольку на селе стало совсем невмоготу, а семья большая, и ее надо было кормить. Работал разнорабочим на стройке, получал четыре с половиной тысячи вместо обещанных двенадцати. Год проработал, выкраивая рублей по триста в месяц, которые отсылал домой. Через год цены в городе выросли на тридцать процентов, и отсылать семье стало нечего. Надо было увольняться и искать работу лучше, но таковая в Казани имелась только через блат. Как и прочие гарантированные Конституцией права гражданина. А какие блатные знакомства у приезжего? К тому же, узнав, что Шаймий Шаймиевич надумал

увольняться, его попросту «кинули», не заплатив при расчете ни копейки. Все попытки вернуть заработанные деньги были безуспешны. Тогда он вместе с товарищем по имени Ибрай решили попытать счастья в Москве. Собрали последние шалушки, приехали в Москву, опять-таки устроились разнорабочими на стройку, благо Москва в те времена усиленно строилась. В столице таким, как они с Ибраем, платили тысяч восемнадцать, а когда и все двадцать, что для них было вполне терпимо. Работяги сняли на двоих какой-то угол, получалось даже копить понемногу.

Через год Шаймий Шаймиевич скопил девяносто тысяч. Решил так: поработаю, мол, еще пару-тройку месяцев и поеду домой со ста тысячами в кармане. К августу две тысячи десятого года нужная сумма была скоплена. Он купил билет на фирменный поезд «Татарстан», собрал манатки и поехал на вокзал. До отхода поезда оставалось еще полтора часа. Пока выжидал время, ему приспичило, и он пошел в туалет. Встал у писсуара, расстегнул ширинку… после чего уже ничего не помнил. То ли его по башке стукнули и сознания лишили, то ли электрошокером вырубили. Очнулся Шаймий Шаймиевич в кустах, в одних трусах, носках и в майке. Ни одежды, ни денег, ни документов. Ребра болят, рожа вся побита. Видно, грабители еще и попинали его до кучи. Ну, куда податься в таком виде? Пошел бродить по путям, мусор всякий высматривать да подбирать. Нашел на шпалах в каком-то тупике засаленную робу и к утру уже – такие же за-

саленные джинсы без молнии на ширинке. Штаны подвязал проволокой и… стал бомжевать. Но на Казанском вокзале не прижился, перебрался на Белорусский. Здесь примкнул к Климу, пустил корни, и вот уже третий год бомжевал вместе с ним, Пашей и Космосом. А так, быть бы ему самым что ни на есть пропащим «китайцем». из какового состояния самая прямая дорога – в могилу…

Ночевал я в первую свою бездомную ночь под навесом между двумя ржавыми контейнерами. Третьей стеной «дома» являлась беленая когда-то кирпичная стена, к которой торцами примыкали контейнеры, а дверью служил кусок брезента. Внутри имелись два широких топчана-лежанки и стол, сбитый из досок и покрытый куском ДВП.

Меня положили вместе с Пашей и Космосом. Клим лежал с Бабаем. Им еще можно было лежать на спине, а вот нам – нет. Только на боку. Укрылись мы одним общим одеялом. В общем, было довольно тепло. А вот заснуть я сразу не смог. Во-первых, мешали впечатления, полученные за день. А во-вторых, мучили два вопроса. Вернее, три…

Первый – за что убили моего «знакомого» Виталика?

Второй – что это за вагон, к которому Клим не велел приближаться Космосу «ни ногой», а мне велел о нем забыть, если я не хочу, чтобы мне тоже «ножичком по горлу»?

Третий – кто такая Любка из Краснодара, которую нашли ночью на складском пустыре с перерезанным горлом? И не связана ли ее смерть со смертью Виталика и соответственно

с этим таинственным вагоном?

Как заснул, я, конечно, не помнил. Кажется, в последнюю секунду перед тем, как уснуть, я подумал, что будет очень неловко, если я, бомжуя, встречу кого-либо из знакомых. Что я им скажу?!

Хотя узнают ли…

В жизни почему-то устроено так, что то, чего мы больше всего боимся или не желаем, обязательно приключится.

Например, вы спешите на свидание к девушке… Вы вышли вовремя, даже несколько раньше, чем нужно, потому что боитесь опоздать. Так вот, если вы действительно очень боитесь опоздать, то непременно опоздаете. Попадете в пробку, вас задержат какие-нибудь иные обстоятельства – не важно. Важно то, что, когда вы приедете в означенное место свидания, девушки там уже не будет… И в жизни на одно разочарование станет больше.

Или вас позвали в гости… Причем вам нужно выглядеть на все сто, как начищенный алтын. Вы надеваете свой лучший костюм – а, возможно, он у вас только один, – и единственно, чего боитесь, так это не извозиться. Вы стараетесь ни к чему не прикасаться и не прислоняться, буквально сдуваете с него пылинки, но все же умудряетесь посадить на пиджак большое маслянистое пятно. Причем на самое видное место! Испорчено настроение, испорчен вечер (а то и единственный пиджак). Вы с унылым видом поворачиваете об-

ратно домой, прислоняетесь в метро к сомнительным личностям, садитесь на грязную скамейку в парке, решив покурить, но на вашем костюме – ни пылинки. Это потому, что вы перестали бояться за его сохранность. Словом, то, чего вы сильно боитесь, уж будьте уверены, обязательно произойдет.

Так случилось и со мной…

Утром Клим раздавал «наряды на работу». Мне выпало собирать пивные банки и бутылки, для чего я получил большую пластиковую сумку с ручками, типа «мечта оккупанта». Как собирать стеклянные бутылки, я знал: выливаешь остатки содержимого в себя (если содержимое того стоит) или на землю, а пустую бутылку кладешь в сумку. А вот как собирать алюминиевые пивные банки, меня научил Паша. При нахождении такой банки она ставится на попа, то есть стоймя, и сплющивается подошвой ботинка.

Словом, я отправился работать. У Клима была своя территория, на которую не смели претендовать другие бомжи. Но на его территорию, впрочем, как и на все прочие, все время покушались «китайцы», не признающие никаких границ и «конвенций». Поэтому при инструктаже, полученном мною от Клима, содержалась и такая фраза:

– Увидишь на нашей территории «работающего» чужого – без промедления бей в лобешник. И не бойся: чужие прекрасно знают, что нарушают правила, поэтому огрызаться не станут, просто убегут…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.